

ТЕКСТ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. П. Рубцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье делается попытка рассмотрения Текста и Читателя как субъектов герменевтического процесса в литературе постмодернизма. Эпоха постмодернизма внесла широкие коррективы в пространственное поле смысла художественного произведения, отказываясь от авторского центризма и сводя его (произведение), по сути, к текстовой структуре, лишенной единого замысла и, зачастую, превращая в игровое поле множественности смыслов и аллюзий. Текст как субъект становится одним из основных понятий постмодернизма.

Ключевые слова: текст, читатель, открытый текст, М-Читатель, коммуникация, отправитель, адресат, сообщение, содержание, выражение.

Abstract: in article attempt of consideration of the Text and the Reader as subjects of the hermeneutic process in the literature of postmodernism. Text as the subject becomes one of the basic concepts of postmodernism. The era of postmodernism have made extensive adjustments in the spatial field of sense of the art work, abandoning the author's centrism and reducing it (the product), in fact, to the text structure, devoid of a single idea, often making the playing field a multiplicity of meanings and allusions.

Key words: the text, the Reader, the plain text, M-Reader, communication, sender, recipient, message, content, выражение.

Постмодернизм знаменует начало новой эры в осмыслении роли художественного текста и субъектов коммуникации. Опираясь на идеи постструктурализма, он отказывается от целостного единства структуры произведения в пользу полисемии и множественности смыслов. По сути, возникает ситуация полной свободы и вседозволенности в рамках единого и весьма неоднородного Текста. Идеи постструктурализма выступают своего рода методологической базой для формирования постмодернизма. Постструктурализм отказывается от целого во имя различного, не являющегося источником целесообразного развития. Он выступает за бесцельное «движение» множества гетерогенных и гетерономных культур, инстанций, не допускающих ни синтеза, ни ассимиляции, но предстающих как множество «центров силы», ведущих между собой бесконечную безысходную борьбу не за истину, а за власть. Постструктурализм – это критика структуралистской статики в пользу динамики. «Множественность без истины» – таково кредо постструктуралистской философии. Происходит трансформация проблемы понима-

ния. Понимание осуществляется не на уровне авторской идеи, не на уровне структуры, но на уровне текста. За текстом не кроется ничего: нет ни авторской идеи, ни структуры, только текст, свободный в своем проявлении.

Постструктурализм выступает против воли автора над текстом. Само художественное произведение (художественный текст) строится на основе цитаций из других художественных произведений. Текст как явление культуры, вобравший в себя все ее многообразие, сковывается авторским замыслом. Эти цитации и есть выдержки одного большого текста (текст здесь – не обязательно художественный). Постструктурализм предлагает освободить, выпустить на волю всю разноголосицу голосов культуры (текста), разомкнуть жесткую структуру конкретного художественного произведения, вернуться к литературе без авторства. Писатель должен превратиться в простого «описателя», не вкладывающего в свое творение никакой идеи, поскольку любое художественное произведение находится в интертекстовом пространстве, и не существует ни одного высказывания вне его взаимодействия с другими высказываниями. Таким образом осуществляется бессознательная связь культур, иногда очень древних и уже полузабытых. Подобно юнговским архетипам, языки проявляют себя посредством автора, впитавшего с молоком матери культуру. Для понимания художественного текста необходимо понимание не только слов и предложений, но и пословиц и поговорок, знание обычаев и традиций, часто уже не несущих первоначальной смысловой нагрузки, но превратившихся в некий символ.

Постструктурализм выступает и против структуры, и против автора как «двух агентов логоса», подавляющих всякое разноречие и чинящих насилие над «диссеминальной действительностью» [1, с. 48]. С одной стороны, размыкание структуры должно освободить такие внеструктурные элементы как «исключения», «семантические случайности», «аффективные события», «шизофрения», «безумие», «инакомыслие», т. е. то, что подрывает устойчивость структуры. С другой стороны, смыслу произведения противопоставляется неконтролируемое множество «желаний», блуждающих по тексту и являющихся источником говорения.

На основании подобного рода взглядов на философию, литературу и мир в целом формируется новое литературное направление, отразившее постструктуралистские искания – постмодернизм. Постмодернизм есть новая культурная формация, исторический период, совокупность теоретических и художественных движений, которым свойственен принципиальный эклектизм и фрагментарность. Постмодернизм, возвещая конец всяких ценностных иерархий и господствующих канонов, заостряет внимание на этнической, социальной, сексуальной, возрастной идентификации индивидов, которые оцениваются, прежде всего, как представители определенных групп и меньшинств, интересы кото-

рых они выражают. И направленность в культуре и литературе (текстуальная стратегия) задается системой автоматизмов, и, прежде всего, происхождением автора. И даже в художественном творчестве индивид ценен не своей индивидуальностью, а выражением мнения определенной общественной группы.

Мир мыслится как текст, как игра знаков, за которыми нельзя выявить означаемые, «вещи» как они есть, «истину саму по себе». Сам Текст есть «интертекст», т.е. смесь осознанных и бессознательных заимствований, цитат и клише. Реальность конструируется автором в зависимости от его расовых, этнических, сексуальных ориентаций. На место категорий единства и противоположности выдвигаются категории различия и инаковости, устанавливающие ценность «другого», неподпадающие под рамки системы (структуры). Иерархии ценностей противопоставляется мирное сосуществование разных культурных моделей и канонов, самоценных и несводимых друг к другу. Субкультуры, считавшиеся маргинальными, выдвигаются на первый план. Такие категории как личность, оригинальность и индивидуальность, авторство рассматриваются как иллюзии сознания или условности, за которыми стоят знаковые системы, бессознательное, властные структуры, распределяющие функции между индивидами. В постмодернизм перешел и понятийный комплекс постструктурализма: «означающее без означаемого», «симулякр», «интертекстуальность», «цитатность», «деконструкция», «игра следов», «исчезновение реальности», «смерть автора» и др.

Постмодернизм, на наш взгляд, явление формирующееся, и его выражи можно наблюдать в современном мире. Он не несет в себе эмоциональной нагрузки, свойственной модернизму и не имеет рамок. Постмодернизм подвергает критике модернистское представление о некоей реальности, лежащей за пределами знаков. Мир вторичностей, условных отражений оказывается более первичным, чем мир «высшей реальности». На этой почве возникают разнообразные постмодернистские движения, например российский концептуализм, раскрывающий природу советской реальности как идеологической химеры, как системы знаков, проецируемых на некое отсутствующее (пустое) место «означаемого» (Тимур Кибиров). Реальность мыслится постмодернистами как некая условность. Все «супер» идеи модернизма постмодернизм рассматривает как подделку под эти самые идеи. Постмодернизм – это игра, правила которой устанавливает каждый игрок для себя самостоятельно. Произведение становится формой для художественного текста, а поскольку нет авторской идеи, объединяющей все сюжетные линии вокруг или нескольких проблем, оно уже не моноцентрично. На первый план выходит текст произведения. Само произведение превращается в условность. Задача понимания упрощается: сознанию не нужно «утруждать» себя, доискиваясь до «истины в последней инстанции», – она находится в тексте. Читая, реципиент должен настроиться на от-

дых, не думать, не сопереживать, не углубляться, пытаюсь за знаком рассмотреть его сущность, а наслаждаться текстом, образами и представлениями и не забывать, что все это – игра. Таким образом, возникает модель читателя-игрока (М-Читатель) (термин заимствован у У. Эко «Роль читателя. Исследования по семиотике текста») [2]). Нет пересылаемого через код авторского сообщения, адресованного читателю, содержащего выражение авторской мысли. Есть только некая абстракция, предполагающая дополнение и обновление ее через игровой код читателя игрока, запускающего этот механизм. По сути, именно модель читателя-игрока придает подобие смысла литературным произведениям постмодернизма, поскольку именно он служит средством коммуникации между адресатом и отправителем, являясь между тем и самим героем произведения. Произведение предстает как открытый текст, где каждый может что-то написать, т. е. выступить со-творцом. Читатель выступает как соавтор художественного текста, поскольку данный художественный текст можно назвать гипертекстом, т.е. основным на многократном и нелинейном прочтении.

Возможна также игра Автора с Читателем: ложное приглашение к сотворчеству. По мысли У. Эко, «в этом случае отправитель (текст) дает адресату (читателю) ложные «ключи» (подсказки-указания), возбуждая его волю к сотворчеству, но уводя (или подталкивая) на ложный путь и заводя по этому пути настолько далеко, что у читателя уже нет дороги назад. В конечном пункте повествования ни одно из ожиданий читателя не подтверждается, но он зашел уже слишком далеко, чтобы забыть о результатах своего неуместного сотворчества, т.е. о другом повествовании, которое сам и сотворил»х [2, с. 80].

Один из примеров литературной игры – это игра стереотипами, т. е. повседневным пониманием (представлением) чего-либо, например эпохи Средневековья. Такими штампами являются балы, рыцарские турниры, средневековые монастыри, богословские споры, куртуазная любовь и др. Изменение такого повседневного понимания было успешно совершено У. Эко в романе «Имя розы». Прием стилизации довольно широко используется постмодернистами. «Имя розы» – стилизация под исторический роман. На первый взгляд, это благополучный роман о средневековом монастыре, где происходят некие таинственные смерти (использование детективных приемов). Смешение жанров – такой же прием, функция которого – заинтересовать читателя. Реципиент стремится понять, разгадать, что же происходит в монастыре, с чем связаны таинственные смерти. Главный герой – Уильям Баскервильский и его ученик – Адсон напрямую перекликаются с образами Шерлока Холмса и Доктора Ватсона и представляют собой не что иное, как клише. И если вчитаться в текст, то весь роман – есть не что иное, как одно большое клише повседневного понимания или представления. Название романа – «Имя розы» также ни к чему не обязывает, т. е. оно ни как не отража-

ет содержания произведения. Даже для прочитавшего роман до конца само название остается загадкой.

Другой пример игры – игра цитатами, не скрытыми, не завуалированными, а представленными такими, как они есть. Если представители литературы предпостмодернистского толка (Т. Манн, М. Булгаков, Кортасар, Борхес) старались спрятать цитату, создавая загадку для исследователя, то постмодернистское высказывание сознательно оголяет цитату и тем самым обесмысливает ее. Пример – роман С. Соколова «Школа для дураков». В этом произведении целые блоки высказываний построены на совершенно прозрачных цитатах из советских стихов и песен, русской классики и детского фольклора. Происходит узнавание знакомых фраз, не нуждающихся в понимании, давно превратившихся в клише.

Таким образом, постмодернистскую литературу следует понимать как игру, правила которой каждый придумывает сам. Существует великое множество различных игр, не подпадающих под какую бы то ни было систематизацию. Проблема понимания художественного текста в постмодернизме подменяется проблемой узнавания и восприятия. Каждое высказывание понимается как отсылка к произнесенному ранее, это всегда цитирующее высказывание.

Было бы неверным утверждение, что постмодернизм порывает с реальностью, теряет референтную связь с ней. Но отображение реальности (ее референция) здесь осуществляется «от противного», не как прямая репрезентация реальности (реализм), не как авторепрезентация субъекта, говорящего о ней (модернизм), а именно как невозможность репрезентации. В постмодернистской литературе происходит отказ от смысла. Это является естественной реакцией на информационный взрыв. Отсутствие смысла (означаемого) ведет к изменению роли означающего (понимания). Отсюда – явление постмодернистской прозы и поэзии, схожее с опьянением: легкость, радость, расслабленность, ни к чему не обязывающая игра, флирт с читателем. В постмодернизме (как и в постструктурализме) есть свобода вообще от понимания. Читатель отдыхает, представляя и моделируя; снимаются «вечные вопросы» (смысл жизни, назначение человека, абсолют Добра и Зла). Все понятия относительны, поскольку они а priori условны. Художественный текст здесь является тем означаемым, за которым ничего не просматривается, вернее просматривается отсутствие смысла, его «след». В постмодернизме текст превалирует над произведением, предполагающим какую-либо авторскую идею. Выдвигается тезис «смерти автора». Постмодернистский текст представляет собой смесь различных цитат и клише, игру знаков. Вместо реальности читатель получает ее симулякр. Понимание художественного текста осуществляется на уровне «следов», оставленных различными цитациями.

Таким образом, текст в постмодернизме превращается в некую «ткань», продуцирующую «следы» прошлых текстов и эпох. Это становится знаковой особенностью литературы постмодернизма, снимающей проблему понимания текста и заменяющей ее проблемой «узнавания» различного рода «следов» и знаков.

Литература

1. Косиков Г. К. Структура и/или текст (стратегии современной семиотики) / Г. К. Косиков // От структурализма к постструктурализму. Французская семиотика. – М. : Прогресс, 2000. – С. 3–48.

2. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с итал. С. Серебряного. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 512 с.

Воронежский государственный университет

Рубцова С. П., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета философии и психологии

E-mail: neznamovasp@mail.ru

Тел.: 8-903-030-15-17

Voronezh State University

Rubtsova S. P., Candidat of Philosophy, Associate Professor of Ontology and Epistemology (Cognitive Theory) Department, Philosophy and Psychology Faculty

E-mail: neznamovasp@mail.ru

Tel.: 8-903-030-15-17